

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65

В сетях интриг : роман / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-83706-9

Однажды преуспевающий американский литератор русского происхождения стал невольным свидетелем одного странного разговора. Две яркие женщины обсуждали за столиком фешенебельного ресторана, как сначала развести, а потом окольцевать олигарха. Павла Савельцева ошеломила не только раскованность подруг в обсуждении интимных сторон жизни (в Америке такого не услышишь!), но и разнообразие способов выйти замуж. Спустя год с небольшим господин сочинитель увидел одну из красавиц — с младенцем и в сопровождении известного бизнесмена. Они не выглядели счастливыми. А когда в их словесной перепалке были упомянуты название московского кладбища и дата смерти жены и детей, в писателе проснулся дух исследователя. В погоне за новым сюжетом Савельцев сам стал его героем...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83706-9

© Резепкин О., 2015
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Москва встретила его невероятной, непривычной для мая, изнурительной жарой. Казалось, даже асфальт дымился, плавился и жаждал дождя. На небе — ни облачка, солнце безжалостно палило и обжигало кожу, проникая даже под легкую рубашку. Такое чувство, что ты не в России, а где-нибудь в Мексике! Идя по столичным улочкам, Павел Савельцев, писатель, сценарист и продюсер нескольких голливудских фильмов, с усмешкой наблюдал за изнывавшими от зноя бывшими соотечественниками. Как всегда, их лица были неприветливы, озабоченны, хмуры — да и какая же радость может быть, когда в такое пекло приходится торчать в раскаленном душном муравейнике мегаполиса, вместо того чтобы прохладиться на пляже, у ласковой воды, в тени пальм, как это делают все нормальные люди мира в жаркий сезон. Впрочем, куда этим замороженным индивидам до цивилизованного мира? Как многие эмигранты с постсоветского пространства, Павел считал своим долгом презирать тех, кто остался в стране, — за пессимизм, за привычку вечно ныть и жаловаться, за бытовую неустроенность, за неорганизованность, за непорядочность, за неумение вести цивилизованный бизнес и еще за целый список недостатков, которые он готов был перечислять при первом же удобном случае.

Сам Павел не жил в России уже двенадцать лет — с тех пор, как после выхода третьей книги ему неожиданно улыбнулась удача. Не то чтобы роман стал мировым бестселлером и в одно прекрасное утро его автор проснулся знаменитым — нет, конечно. Просто старый приятель Павла, в начале девяностых перебравшийся в Штаты и неплохо устроившийся в Лос-Анджелесе, пересказал сюжет знакомому продюсеру, а тот неожиданно заинтересовался и прислал автору электронное письмо с вопросом, сможет ли тот сам написать сценарий по своей книге. Получив это письмо, Павел возблагодарил Небеса — и за неожиданную удачу, и за то, что они (Небеса) послали ему такую маму, которая с пяти лет заставляла сына заниматься английским с педагогами и добилась, чтобы его приняли в лучшую языковую школу района. Благодаря всему этому он теперь хорошо знал язык и без особых затруднений мог перевести свой текст — а уж писать сценарии он научился еще в студенческие годы, когда, кроме занятий на журфаке МГУ, посещал заодно и спецкурс преподавателя из ВГИКа. Итог работы продюсеру понравился. Спешно собираясь тогда в поездку и занимая деньги у всех знакомых подряд, двадцатидевятилетний Павел был полон самых радужных надежд. Богатая фантазия уже рисовала перед ним сказочные картины: работа над фильмом совместно со знаменитым режиссером, самые яркие звезды в главных ролях, баснословный успех, «Оскар» за лучший сценарий, огромные гонорары и, как результат, — собственная вилла на океанском побережье и «Роллс-Ройс» в гараже. Разумеется, действительность вышла куда более прозаичной. Продюсер оказался не из великих, не то что не первого, но даже не второго ранга. Фильм сняли телевизионный, показали его лишь однажды и по какому-то

малопопулярному каналу, никаких звезд в творческой группе не было и в помине. Но это все казалось пустяком по сравнению с главным — У НЕГО! ВЫШЕЛ! ФИЛЬМ! В ГОЛЛИВУДЕ! И пусть вместо виллы в Майами пока пришлось довольствоваться съемной квартирой в скромном районе на окраине города, а роль «Роллс-Ройса» исполнял подержанный «Шевроле Корвет», произошло самое главное — Павел сумел остаться в Штатах и со временем получил грин-карту.

Вопреки ожиданиям на Западе путь к успеху оказался не легче, а даже сложнее, чем в Москве. На родине ему помогали напечататься мамины связи в издательском мире — а в США рукописи никому не известного русского автора, пусть и писавшего на английском языке, особого интереса не вызывали. Сотрудничество с продюсером привело к созданию еще трех фильмов такого же уровня, как и первый (и каждый последующий был хуже предыдущего), после чего само собой сошло на нет. Словом, Павлу пришлось бы туго, если б не удачная идея снова начать печататься на родине. Теперь он приобрел новый, куда более солидный статус — не просто один из многочисленной толпы начинающих прозаиков, а «русскоязычный писатель из США», автор сценариев фильмов, снятых не где-нибудь, а в Голливуде. Подобная «вывеска» привлекала внимание, вызывала уважение и заинтересованность. Тем более что к тридцати пяти годам «русский американец» Павел Савельцев стал весьма привлекательным мужчиной, а в издательской сфере всегда очень много женщин, в том числе среди руководства. И он добился своего — его новые книги стали выходить в России. Пусть имя Савельцева не гремело, его не узнавали на улицах и не рвали на части поклонницы, но крупное московское

издательство регулярно публиковало по три его романа каждый год, и тиражи (в сумме) доходили иногда до пятидесяти тысяч экземпляров. Плюс к этому была заключена пара контрактов на фильмы, в которых Павел выступал сценаристом и продюсером, — вот только кризис помешал. Работу над одним из кинопроектов отложили до лучших времен, другой тянулся ни шатко ни валко уже года полтора, как вдруг дело наконец сдвинулось с места. На горизонте появился перспективный спонсор, заинтересовавшийся его сценарием, — и эта новость заставила Павла спешно вылететь в Москву. Он прибыл ночью и остановился в престижном отеле на Петровке. Очень дорого, конечно, но, как говорится, *noblesse oblige* — положение обязывает, не может же голливудский сценарист жить в дешевой гостинице! Выспался и, стремясь убить несколько часов, оставшихся до назначенной на вечер встречи, отправился пообедать в «более или менее приличный», как он сам про него говорил, ресторан, находившийся неподалеку, в Камергерском переулке.

Он шел пешком, изнывая от жары, и от нечего делать рассматривал прохожих. Мимо то и дело проходила какая-нибудь красотка в обтягивающем топике, с открытым животом, и Павел вынужден был признать про себя, что русские девушки, пожалуй, внешне интереснее американок, да и одеваются с большим вкусом. Одежда всегда была предметом его внимания — и как писателя, и как человека. Ему было интересно наблюдать, как тот или иной наряд меняет внешность человека, иногда принципиально. Взять хотя бы вот того типа в джинсах с рваными коленками. В таком облачении ему не дашь на вид больше двадцати лет. А надень

на него строгий костюм — и это будет другой мужчина, смотрящий гораздо старше и, может быть, умнее...

Подойдя к ресторану, Павел ненадолго задумался, что предпочесть — внутреннее помещение или открытую летнюю веранду. Несмотря на то что внутри исправно работали кондиционеры и было совсем не жарко, даже наоборот — прохладно, залы пустовали. Сделав выбор на каком-то инстинктивном, подсознательном уровне, почти все посетители расселись на небольшой веранде, в тени от тента и вьющихся цветов, взбегавших по деревянным колоннам и надежно закрывавших респектабельный уют ресторана от любопытных взглядов с улицы. Оценив обстановку, Павел решил, что ищет не уединения, а новых впечатлений, и тоже уселся на веранде, заняв единственный свободный столик у стены. Юный длинноволосый официант с плавными, как у танцовщика, движениями тут же подал ему меню, и писатель углубился в изучение ассортимента и цен. Да уж, питаться в хороших московских ресторанах — откровенно недешево, а денег у него не так уж много, престижный отель и прочие «понты» влетают в копеечку. Ну ничего, по такой жаре можно съесть что-нибудь легкое, скажем, салат. И выпить кофе. Кофе здесь, насколько он помнит, делают неплохой. А вечером будет видно...

— А нас что, сегодня никто обслуживать не будет? — услышал он почти над самым ухом возмущенный женский голос и невольно обернулся.

За соседним столиком сидели две девушки, и что-то в облике этой парочки сразу привлекло внимание писателя. Пока официант, тотчас подлетевший к их столику, уверял посетительницу, что заказанные ими блюда будут готовы максимум через двадцать минут,

а шампанское, если они так хотят, принесут прямо сейчас, Павел принялся рассматривать соседок — осторожно, чтобы это не выглядело вызывающе, но все же очень внимательно.

Лицом к нему сидела молодая блондинка с пышной прической и еще более пышной грудью, демонстративно открытой и подчеркнутой даже более, чем допускают правила приличия. В ложбинке глубокого декольте залегла золотая цепочка с кулоном, в центре которого сверкал крупный бриллиант. Другой бриллиант, еще крупнее, украшал платиновое кольцо на пальце с дизайнерским маникюром в розовых и голубых тонах. В тех же тонах было и летнее платье от известного кутюрье. Дополняли наряд золотые часы, явно стоящие не один десяток тысяч долларов, серебристые босоножки на огромной платформе и серебристая же сумка — с лейблом известной фирмы, но, на взгляд Павла, слишком объемная, чтобы быть изящной. Большие голубые глаза блондинки то и дело прищуривались, из чего Павел сделал вывод, что она близорука.

«Хороша штучка! — подумал он, разглядывая блондинку. — Мозгов вообще нет, это ясно с первого взгляда, но при таких формах они ей и ни к чему... Сексуальна до невозможности! Думаю, ни один мужчина не отказался бы от такого лакомого кусочка. Интересно, сколько ей лет? Двадцать пять? Черт ее знает, может, и меньше. А может, и больше. Сейчас их не разберешь — вся эта косметика, силикон, подтяжки, ботексы... Бывает, что тетка за пятьдесят выглядит моложе собственной дочки, а случается — семнадцатилетняя соплушка смотрится на все тридцать...»

Вот вторая женщина, которая сидела к Павлу спиной, явно не выглядела молоденькой. Лицо ее он видел только в четверть обо-

рота, но и манеры, и голос — хрипловатый, как у людей, которые курят не один десяток лет, и руки — сухощавые, ухоженные, но уже лишенные юной округлости, с выраженными суставами на пальцах — выдавали, что их обладательнице никак не меньше сорока. Волосы женщины были коротко острижены и выкрашены в ярко-рыжий цвет, одета она была в элегантный брючный костюм сочного оливкового оттенка. По этому костюму, туфлям, удачно подобранным ему в тон, и другим аксессуарам Павел заключил, что вкуса у старшей из собеседниц, пожалуй, побольше, чем у ее подруги, — а вот средств явно меньше. Хотя она и не одевается на рынках, но не может позволить себе таких дорогих вещей и украшений, в каких щеголяет приятельница.

Где-то в недрах обширной серебристой сумки зазвучала электронная мелодия.

— Ой, у меня телефон звонит... — прощепетала блондинка и полезла в свой баул на поиски мобильного. Задача эта оказалась нелегкой. Сотовый, очевидно, лежал на самом дне, и, стремясь найти его, девушка принялась, подпевая доносящейся мелодии, выгружать на скатерть кучу всякого барахла: пузатую косметичку, большой флакон французской туалетной воды, дезодорант той же фирмы, паспорт в меховой обложке, украшенный стразами розовый футляр для солнечных очков, коробочку с DVD-диском... — Ах, вот он где, этот фильм! — обрадовалась она последней находке. — А я-то все перерыла, думала — потеряла...

Тем временем мелодия смолкла, а мобильного девушка так и не нашла.

— И ладно, — отмахнулась она. — Кому надо, перезвонит! Наблюдая за ней, Павел откровенно веселился про себя.

«Вот и не верь после этого анекдотам про блондинок! — подумал он. — Жаль, в книге эту сцену описать нельзя — не поверят. Скажут, что в реальной жизни таких дурочек не бывает...»

— Посмотри все-таки, вдруг это он звонит? — прозвучал голос с хрипотцой, и блондинка, вскинув на подругу большие ярко накрашенные глаза и привычно сощурившись, покачала головой.

— Нет, не он. Это Танька, подружка, я специально на нее Би-лана поставила, она от него тащится.

— Тогда черт с ней, не перезванивай, — разрешила рыжая.

«Такое чувство, что она ею командует, — отметил про себя писатель. — А эта дурочка слушается. Занятная парочка...»

И быстрым движением нащупал блокнот, который постоянно носил в кармане. Это уже стало частью его работы — он всегда слушал, а по возможности и записывал случайные разговоры, что потом очень пригодились. Как известно, у многих людей бывает своя, индивидуальная манера речи, характерное построение фразы, любимые словечки и выражения, особые интонации — а для писателя это все ценный материал, который потом можно будет использовать в романе или сценарии. Да и содержание бесед иногда бывает любопытным, сам до такого ни за что не додумаешься. Конечно, от этих девиц он вряд ли дождетя чего-то из ряда вон выходящего. Скорей всего, будут всю дорогу трещать о шмотках да перемывать кости знакомым. Но как сырьевой материал и их болтовня может пригодиться.

— Ваше шампанское, — официант поставил перед подругами ведерко со льдом, бесшумно открыл бутылку, обернув ее полотенцем, и разлил пенящийся светло-золотистый напиток по бокалам.

— У меня есть тост, — заявила блондинка, берясь за ножку

бокала. — Давай выпьем за тебя. Правда, Светка, ты самая лучшая! Спасибо тебе за все! Я тебя так люблю!.. Так люблю, что сил нет! У меня до тебя никогда не было таких подруг.

Похоже, блондинка не лукавила — она действительно обожала собеседницу до безумия. Счастливый блеск влажных глаз говорил о том, что она и впрямь готова плакать от радости. Девушка с такой нежностью смотрела на свою визави, что, казалось, если бы не маленький столик, разделяющий их, она бы бросилась в объятия к этой дамочке с хрипловатым голосом. Павел старался вести наблюдение незаметно и даже положил перед собой раскрытый журнал, делая вид, что читает. Но подруги были так увлечены друг другом, что ничего не замечали и говорили громко, нимало не забываясь о том, что их могут услышать.

— Ну что же, — засмеялась в ответ Светлана. — Тогда и за тебя! Я тоже очень привязалась к тебе, Лера.

«Лесбиянки они, что ли? — подумал Павел под звон встретившихся над столом бокалов. — Странно, вроде не похожи...»

Точно подслушав его мысли и спеша опровергнуть их, блондинка Лера пустилась в откровения:

— Правда-правда, Свет! Ты не представляешь, как я тебе благодарна! Ты всю мою жизнь изменила, с ног на голову перевернула, можно сказать! Вот так подумаю — ну что у меня раньше было? Вообще ничего. Работа да сериалы по телику. Ну разве перепахнешься с кем-нибудь от скуки, кончишь раз-другой — и все. Тоска смертная, как вспомню — так вздрогну! А теперь благодаря тебе у меня любовник-олигарх и я все-все могу себе позволить! О работе и думать забыла, развлекаюсь с утра до ночи и с ночи до утра. Хоть в ночной клуб, хоть куда... И шмотки у меня, и брюлики,

и на Канарах была... Квартира шикарная, машину он мне обещал, как только я водить научусь. Правда, честно тебе скажу, Свет, неохота мне учиться водить... — блондинка снова отхлебнула шампанского.

Ответ Светланы прозвучал неожиданно резко:

— Ну, ты сильно-то губы не раскатывай. Всего этого ты можешь лишиться в один момент.

Лера непонимающе заморгала — она все еще упивалась неожиданно свалившимся на нее счастьем и совсем не хотела спускаться с небес на землю.

— То есть как это — лишиться?

— А вот так. — Светлана, видимо, решила не жалеть подругу. — Бросит он тебя в один прекрасный день — и все. Найдет другую, а ты останешься ни с чем. Ну, может, тряпки и цапки при тебе останутся. А квартира-то не твоя, а съемная.

— Све-е-ет, ну что ты такое говоришь... — растерянно тянула блондинка, и Павел отметил, что подобная мысль, очевидно, никогда раньше не приходила в ее хорошенькую головку.

— Вот была бы ты его женой... — продолжала тем временем Светлана, не обращая никакого внимания на огорчение подруги.

Идеальные брови Леры взлетели высоко вверх.

— Но как я могу?.. Он ведь уже женат!..

— А мы придумаем что-нибудь.

Павел не видел лица Светланы, но почему-то был уверен, что она подмигнула Лере.

— Да что ж тут можно придумать?

— А вот что — ты от него родишь. Вся Москва знает, что твой Андрюша обожает детей, он просто чокнутый папашка. Удивля-

юсь, как это ни одна из его бывших пассий не догадалась родить ребенка.

— Ребенка? — надула подозрительно пухлые губки Лера. — Да ну... Я не хочу ребенка.

— А стать женой своего олигарха хочешь?

— Женой хочу. — На лице Леры отразилась внутренняя борьба и непомерные умственные усилия. — Только, Свет... С ребенком ничего не получится.

— Почему ты так решила? — В хрипловатом голосе звучали жесткие нотки.

— Он знаешь как тщательно предохраняется? Чуть ли не по три презика зараз надевает. И у него ведь уже есть двое детей, эти, как их...

— Иван и Надя, — подсказала Светлана.

— Да, именно! Он все уши мне с ними прожужжал, я уже про них слышать не могу! — Блондинка скорчила брезгливую гримасу.

— Надеюсь, ты делаешь все, как я тебя учила? Смотришь с умилением на фотки детей, постоянно расспрашиваешь о них и показываешь всем своим видом, что тоже только и мечтаешь о том, как стать матерью?

— Да, я стараюсь... Мы даже как-то раз говорили с ним об этом. Он сам начал разговор, сказал что-то вроде: «Лапуль, я понимаю, что тебе хочется ребенка, но я пока не готов...»

— Вечная мужская отговорка, — припечатала железным тоном рыжая. — Они никогда не готовы к тому, что нам хочется, будь то хоть шуба, хоть ЗАГС. Надо брать все в свои руки.

— Но как? — хлопала ресницами Лера.

— Да мало ли способов! Например, можно проткнуть презер-